

Леонид ГУРУНЦ

ТРОПА, ПРОБИТАЯ В ВОЙНЕ

ДАЛЕКОЕ—БЛИЗКОЕ

С вершины лет я вновь разглядываю то, что уже отказалось в прошлое. Летопись великой войны будет писаться десятилетиями. И каждый, кто видел войну, вынес на своих плечах ее тяготы, сможет вписать в нее свою главу. О гигантских сражениях, которых еще не знала история, о схватках один на один на узких тропах войны. О горечи утрат и расставаний, о счастье возвращения. О стиснутых зубах и простреленном сердце. О неутешном горе материнском и возмужании юношей. О выстоявшем в блокаду Ленинграде и о боях, штурмовавших Кенигсберг... И сегодня, через много лет, перелистывая пожелтевшие страницы фронтовых блокировок, я вижу всполохи этих пожаров, и передо мною встают солдаты в обгоревших у костров серых шинелях. Те, с которыми я дошел до Берлина. И те, которые не дошли...

Я хочу поведать об одной тропе, пробитой в этой войне солдатом, прошедшим от предгорий Кавказа до Берлина...

Он родился в армянском селе, затерявшемся в горах Карабаха, в семье бедного крестьянина. Отец работал по найму у богатых сельчан. В семье было шестеро детей, один другого меньше. Самым младшим был он, Аршак Сейранян. Отцовского заработка не хватало. Первым снарядили в город на работу Сергея, самого старшего среди них. Потом Ашота...

Каждый раз, провожая сыновей, мать выплескивала им вслед воду из кувшина. По поверью, это должно было принести счастье. Но счастье не приходило. Братья еле перебивались сами, ничем не могли помочь семье. Жизнь младшего, Аршака, сложилась несколько иначе, чем у старших братьев. Он приехал в Ереван, когда в Армении была уже Советская власть...

Я люблю вспоминать о первых комсомольцах. Они появились в жизни моего поколения словно из-под земли, будто для того, чтобы удивить мир.

Одним из таких комсомольцев, удививших мир, был Аршак Давидович Сейранян, начавший свою трудовую деятельность рядовым комсомольцем на Алавердинских рудниках.

У каждого в юности бывает переходный возраст, когда что-то ломается в характере, привычках, поступках. Если до такого момента в человеке были заложены добрые задатки, его взгляды на жизнь приобретают еще большую широту и ясность,

рамки видения и понимания раздвигаются.

У Аршака Сейраняна переходный возраст пришелся на тридцатые годы, когда от сохи, от пастушьего посоха, он перешел в шахту. Понадобилось съесть не один пуд соли, выдержать не один жаркий день на новом месте, чтобы из застенчивого деревенского паренька вырос третий калач — знающий себе цену рабочий.

Ленинские рудники, Алавердинский медеплавильный завод, годы секретарства в ЦК комсомола Армении, воина и тот памятный день, когда онступил на немецкую землю. И где бы ни был он, честь коммуниста не ронял. Всегда шел впереди, по времени сверяя свой шаг...

БЫЛО это в апреле 1945 года, в канун решительных боев за Берлин. Шло партийно-комсомольское собрание в мотострелковом батальоне, где служил Аршак Сейранян уже в звании старшего лейтенанта. Предстояло брать Берлин.

На рассвете началось наступление. Сломив сопротивление противника, бойцы батальона продвинулись на десять километров, завязав бои на подступах к Берлину. Батальон действовал в составе 44-й танковой бригады под командованием полковника Гусаковского. Немцы бросили против него большие резервные силы. Наши бойцы оказались в окружении.

да и Сейранян. Он помнит мокрые башни танков, мокрые дула винтовок и автоматов, мокрую весну в Германии, широкие колеи, пропаханные колесами машин, гусеницами танков, наполненные стылой болотной водой. Часть, в которой он служил, вошла в один из населенных пунктов. Воспользовавшись временной передышкой, бойцы отдыхали, готовые ко всяkim неожиданным, если свой неожиданный походный обед, не отходя от боевых машин. Спустя некоторое время, здесь и там, стали открываться ставни. Из окон выглядывали встревоженные лица. Одна пожилая женщина вынесла даже ведерко с голубоватыми, подкрашенными синькой белилами и принялась на наших глазах мазать стены дома, поврежденные во время боя. За ней на крыльце вышел старик, стал звать ее в дом:

— Нашла время... Кругом русские...

— Мы с тобой пожилые люди. Русские нас не тронут, — убежденно сказала женщина и, будто ища подтверждения, глянула в нашу сторону.

Супруги говорили по-немецки, но мы отлично поняли их.

Эта вера в благородство, гуманность солдат великой армии-победительницы, была, пожалуй, самым убедительным свидетельством морального превосходства советских людей, сквозь долгую войну, ее испытания и жестокость сохранивших в себе способность к самой высокой человечности и справедливости.

За мужество, стойкость и героизм, проявленные им на войне, Сейранян награжден многими боевыми орденами и медалями, в том числе, орденами Красного Знамени и Отечественной войны I степени. А вот совсем свежее: памятный жетон — знак в виде золотой звездочки с изображением танка, с надписью И. Г. К. Т. А., полученный им только что. Удостоверение к нему подписано маршалом М. Катуковым...

ТРОПА, пробитая в войне. Еле заметная, может быть, затерявшаяся стежка, казалось бы, заросшая травой забвения. Но это так только с виду. На войне не было маленьких стежек. Все они, большие и малые, вели нас в Берлин, к Победе.